

Любава Малышева

50 оттенков сопротивления

комедия характеров

Москва, 2018

ASIP

Реквизит

Свечка, стулья с именами персонажей на спинке, свисток, ящик водки, нога манекена, бинты, наручники, плакаты, проектор, БДСМ-предметы, вибратор, царская шапка и мантия, маска Бориса Годунова, икона Св. Путина Защитника, портреты Брежнева, флаги в ассортименте, барабан, огнедышащий дракон.

Действующие лица

В представлении задействовано 13 человек, зрители в обычном понимании этого слова отсутствуют. По ходу пьесы свободные от собственных реплик актёры изображают хор, активистов Запортивления, кинооператора или рабочих сцены.

Кощей Вениаминович, 42 года — лектор, сотрудник мощехранилища, обладатель свистка.

Отбубликова, 34 года — оператор матоблока, феминистка на выданье.

Священник Развратов, 60 лет — любитель римской эротической рулетки.

В арафатке.

Дева Мария Гваделупская, 2019 лет — окружена ореолом св.Вагины.

Во время реплик зал освещается розовым.

Эмма Никола-Нидвораенко, 25 лет — областной эксперт в области экспертизы.

Бандурин, бессмертный — представитель нейтральной силы.

В голубом берете.

Человек в вышиванке, 40 лет — украинец в тылу врага.

Гурий Самоумов, длиннобородый старец 99 лет — главный

по Запортивлению в предыдущих сериях.

Коликов-Посмертный, 46 лет — эстет, сексист-затейник.

Таллий Чаев, лишенный возраста — всезнающий мертвец.

Анархист Енотов, вечно молодой — забинтованный, как мумия,

и для кого-то работающий деятель культуры.

Испепелина, в самом расцвете сил — феминистское движение в инвалидной коляске.

Голая женщина в маске (роль без слов).

Пролог

Серый подвал. Горит свечка. На полу лежит Голая женщина в маске и наручниках, её руки заведены за спину, луч прожектора направлен на наручники. Появляется сотрудник мощехранилища, Кошей Вениаминович, одетый в красный лаковый костюм для БДСМ. Он бьёт женщину плёткой.

Кошей Вениаминович (кричит): Хотите сделать это с нами? Да пожалуйста! Присоединяйтесь!

Лампа гаснет. Наступает темнота.

Действие первое и последнее

Комната разделена на две части. Есть место для лектора и стулья для зрителей. Зрители (все, кроме Голой женщины в маске) спят, сидя на стульях и лёжа на полу. Они просыпаются только на время собственной реплики. На стене за лектором - проекция: голая задница женщины в наручниках. Лектор, Кошей Вениаминович, одет в стиле БДСМ, сверху — в красных ремнях, снизу в штанах, на голове фашистская фуражка.

Кошей Вениаминович: Рад вам представить результат нашей, признаюсь, нелёгкой работы над концепцией фестиваля. Мы долго думали, какой образ наиболее ярко отражает состояние современного российского сопротивления и в результате нашли замечательное решение...

Отбубликова: А как будет называться фестиваль?

Кошей Вениаминович: Муза непокорных, 2018. Смелое искусство!

Гурий Самоумов: Но тут скорее Жопа непокорных, вы не находите?

Таллий Чаев: Садо-музо.

Кошей Вениаминович: Товарищи, товарищи! Обсуждение после презентации!

(снимает очки и читает): «VI Ежегодный международный фестиваль “Муза непокорных” пройдет 1 мая 2018 года в центре Запортивления. Новый девиз фестиваля - Смелое искусство! BRAVE ART! Творчество молодое, живое, яркое, умное и сексуальное никогда не будет прислуживать и выслуживаться, оставаясь всегда смелым и непокорным. Фестиваль пройдет в режиме нон-стоп с полудня и до позднего вечера...

Входит Голая женщина в маске. Её изнасиловали. Она в наручниках. На теле — следы побоев, кровь на ногах. Голая изнасилованная женщина садится на стул и внимательно слушает.

«...Смелое искусство — это актуальное искусство и опасное искусство. Не только в прошлом XX веке, но уже и за первые годы XXI века мы видим много примеров, когда за смелое искусство били, уничтожали произведения, арестовывали и бросали в тюрьмы. Но оно все равно живёт и само по себе, и в каждом из нас. Пусть же оно говорит то, что ему суждено сказать!...»

Проектор показывает три варианта плаката с голой жопой. Зал аплодирует и восторгается. Кощей Вениаминович раскланивается.

Священник Развратов: А будет вино?

Кощей Вениаминович: Будет фуршет!

Священник Развратов: Больше вопросов не имею. В прошлом году на маёвке было и белое, и красненькое. Лучше, конечно, чтобы было побольше красненького.

Кощей Вениаминович: Учтём! Но продолжаем, товарищи. Пустое пространство фестиваля условно разделено на перформанс с обнаженными женщинами, фотографии с голыми женщинами, кинопоказ о голых женщинах, концерт голых женщин и поэтическую часть. По последнему пункту уже идут переговоры со Сметой Влетах. Как всё будет происходить — загадка даже для организаторов фестиваля. Загадка потому, что мы будем делать это вместе с вами!

Священник Развратов: Я за любой кипеж кроме антиалкогольного!

Отбубликова: А я ничего делать не буду. У меня много работы.

Кощей Вениаминович: Всё будет делать Запортивление. Всё будет как всегда, никому ничего делать не придётся! Просто приходите и смотрите на Запортивление!

Священник Развратов: А кто оплачивает фуршет? Может, этот спонсор жертвует и православной церкви?

Кощей Вениаминович: Сначала хотели привлечь Прохора Дырина, но он хотел, чтобы на плакате была жопа из его партии. Чегеваркин отказался, но не из-за жопы, а потому что хотел дать денег Навальному. Депутаты Красносельского района одобрили жопу и предложили муниципальное финансирование, 315 рублей. Но 315 рублей — это, товарищи, для нашего пустого пространства маловато.

Священник Развратов: А можете уточнить ещё раз, кто кого хотел?

Кощей Вениаминович: Никто никого не хотел! Это концепция наше такое. Есть ещё вопросы, товарищи?

Зал несколько минут шуршит, ёрзает и молчит. Затем раздаются голоса.

Бандурин: Считаю, что тема жопы в наручниках раскрыта полностью. По домам?

Эмма Никола-Нидвораенко: Погодите-погодите. Может, лучше мужская жопка?

Кощей Вениаминович: А давайте мужскую. Я просто боялся, что если я предложу свою кандидатуру, то это будет воспринято как авторитаризм. Но я готов ради идеи на всё - даже если будет нужно сделать из меня трансвестита. И, раз уж вы все просите...

Зал хором: «Просим, просим, Царь-Батюшка!»

Кощей надевает маску Бориса Годунова. Проектор показывает Кремлёвские палаты.
Кощей Вениаминович накидывает прозрачную мантию, царскую шапку, берёт в руки плётку и вибратор, читает монолог Бориса.

Кощей Вениаминович:

Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! О мой отец державный!
Воззри с небес на слёзы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Громкие продолжительные аплодисменты. Поднимается несколько портретов Брежнева.

Крики «Браво!», «Бориску на царство!», «Путин-Вор!», «Да здравствует Кощей Вениаминович!» Кощей Вениаминович снимает маску и накидку, включается яркий свет, резкий переход обратно к дискуссии.

Кощей Вениаминович: А раз все согласны, то давайте прямо сейчас сделаем новый макет. Лучше, если у нас будет пара.

Свистком подзывает голую женщину. Она опускается на четвереньки и выходит на сцену.

Кощей и Голая женщина позируют вместе. Несколько фотовспышек, проекция БДСМ-картинок на стене. Голая женщина падает на пол и Кощей Вениаминович бьёт её ногами.

Кощей Вениаминович (продолжая бить): Я только за, за, за! Я вообще — би, би, би!

Зал начинает шепотом обсуждать, что Кощей Вениаминович — би. Кощей Вениаминович прекращает менять позы для фотографирования и прогоняет голую женщину. Она возвращается на место в зрительном зале.

Кощей Вениаминович: Я хотел сказать, что в душе я - би.

Священник Развратов: Думаю в следующем году жопу придётся подбирать на размер побольше. У меня есть одна знакомая кандидатура.

Бандурин: Глубже?

Священник Развратов: Да! И ещё в комплекте с глубиномером Галича! Передовая женщина!

Бандурин: Когда вы говорите о глубиномере, вы имеете ввиду великий и могучий русский язык?

Священник Развратов: Язык — инструмент сегодняшнего дня. В будущем глубину будут прощупывать зондами.

Эмма Никола-Нидвораенко: Извините, если этот вопрос уже задавали, пока я спала. А вообще зачем обнажёнку и латекс сюда вкручивать? Ещё и с наручниками? Мы ж вроде не БДСМ-фестиваль мутить собираемся? Или я что-то пропустила?

Кощей Вениаминович: Ну, милочка моя, как пойдет. Кто же от хорошего БДСМ-а откажется?

Человек в вышиванке: Знову жінок в кандали? (обращается к голой женщине) По мови ботаєшь?

Бандурин: Я придумал вирусный хэштег: #braveass, а не #braveart!

Кощей Вениаминович: Да это же гениально! Товарищи, все делаем твит.

Звучит Интернационал, слова «Это есть наш последний...» Все утыкаются в телефоны, фотографируют Голую женщину и делают твит с новым хэштегом. Актёры по очереди поднимают и опускают плакаты в виде твитов: «Жопа непокорённая! #braveass», «Жопа есть! #braveass», «Жопа всегда с тобой! #braveass», «Жопа — так победим! #braveass».

Эмма Никола-Нидвораенко: Но погодите. Ведь наручники — это символ покорности и власти.

Священник Развратов: Я люблю наручники!

Эмма Никола-Нидвораенко: Когда хотят проиллюстрировать непокорность, то наручники, кандалы, цепи, веревки надо рисовать сломанными или порванными!

Отбубликова (здесь и далее постепенно снимает верхнюю одежду): В целом согласна. На плакате должна быть любовь вопреки наручникам!

Священник Развратов: А зачем вопреки?

Отбубликова: Ну не столько вопреки, сколько несмотря ни на что. Предлагаю обнимающуюся пару, вернее, её фрагменты. Пару — или не пару!

Священник Развратов: А давайте с вами, товарищ Отбубликова, пойдем и поэкспериментируем с фрагментами пары и непары!

Кощей Вениаминович: На самом деле были и другие варианты. Например, колхоз «Светлый путь» разработал для нас свой вариант плаката. (Свистит.)

На сцену проецируется аляповатый баннер с белокурой селянкой. Селянка стоит на поле, на фоне неба, подняв руки. На ней гендерная одежда.

Бандурин: Какая-то хрень подсолнушная!

Кощей Вениаминович: Ну, в общем — да. Поэтому мы вернулись к варианту нашей изначальной жопы.

Дева Мария Гваделупская, наклонясь к ящику с водкой, стоящему у её ног, начинает превращать водку в вино, бутылки одна за другой становятся красными.

Дева Мария Гваделупская: Вариант с наручниками стилистически очень неплохой, но раскрывает не ту тему, к сожалению. Что насчет распятия? Можно даже перевёрнутое распятие! Я могу устроить!

Священник Развратов отодвигает ящик с недопревращенной в вино водкой от уснувшей Девы Марии Гваделупской.

Отбубликова (обнажается до пояса): А других фотографий нет? Например, в одном расстёгнутом наручнике.

Кощей Вениаминович: В одном наручнике можно сделать!

Свистит. Голая женщина в маске выбегает в свет и ложится на пол. Несколько фотовспышек. Проекция новых фотографий в одном наручнике.

Отбубликова: Это, конечно, скандальное фото. Есть принципиальный вопрос — согласны внутренне люди с таким изображением или считают неприемлемым по каким-то причинам? Если да, то по каким?

Кощей Вениаминович (медленно расстегивает штаны): Нужно понимать, что делаем не для себя. То есть для себя. Но не прямо. В прогрессивной перспективе. То есть мы получим удовлетворение, удовольствие, радость от того, что другие их получают, а не непосредственно.

Кощей Вениаминович получает непосредственное удовлетворение.

Дева Мария Гваделупская: Предлагаю вариант с драконом.

На Кощея Вениаминовича падает огромный надувной дракон. Грохот, облака пыли, немного огня. Дракон начинает сдуваться.

Кощей Вениаминович (вылезая из-под дракона и застёгивая штаны): Не, ну нет, точно нет. Даже с подсолнухами лучше. А дракон — это для детей-освободителей, для пионеров-героев!

Дева Мария Гваделупская: Почему жопа для детей подходит, а дракон нет?

Кощей Вениаминович: Не для детей! А совсем наоборот!

Голая женщина садится на стул верхом, лицом к зрительному залу.

Дева Мария Гваделупская: Нашего дракона нужно убивать не по-детски. Смелое искусство — это же в смысле с драконом бороться, не жопу голую показывать? Мы же не в Иране!

Священник Развратов (поправляя арафатку): А я люблю Иран!

Кощей Вениаминович: Хуйло — ни разу не дракон! В этом, кстати, концептуальное заблуждение савецкой интеллихенции.

Священник Развратов: Я бы попросил!

Кощей Вениаминович: Оно — хуйло, оно — не дракон.

Отбубликова (просыпается и растерянно оглядывается): Покажите мне хуйло!

Дева Мария Гваделупская: Почему Путин не тянет на дракона? Вполне даже внешне похож на дракона из фильма «Убить дракона».

Священник Развратов: «Убить дракона» это, по-моему, не фильм!

Кощей Вениаминович: Фантазии о драконе — только для самооправдания!

Дева Мария Гваделупская: Я не понимаю, что такое хуйло.

Проекция вагины на стене, к которой подходит рабочий сцены.

Отбубликова (снова просыпается): Да, где хуйло? Покажите хуйло!

Рабочий сцены забивает гвоздь в клитор, вешает икону с Путиным. Дева Мария Гваделупская подходит к иконе, чтобы посмотреть поближе.

Кощей Вениаминович: На хуйло он похож, на дракона — нет. И фильм, кстати, тоже об этом!

Священник Развратов: Да не фильм это!

Человек в вышиванке: Який фільм? Про Путину? Я не бачив!

Дева Мария Гваделупская (возвращаясь на своё место): Ну, допустим, Путин — хуйло. Так что теперь, ему жопу подставлять в удобной упаковке?

Отбубликова (просыпается): Да покажите же мне, где хуйло?

Все в зале указывают пальцем на икону, но Отбубликова не видит этого, поскольку засыпает не менее стремительно, чем просыпается.

Кощей Вениаминович: Ну. Так мы и подставляем жопу! А что?

Человек в вышиванке: Вільна Україна проти гомофобії!

Дева Мария Гваделупская: Ещё банку вазелина рядом пририсовать. Смелое искусство — это же искусство говорить правду?

Рабочие сцены уносят дракона. Зал аплодрует. Кощей Вениаминович кланяется.

Люди размахивают флагами — чёрно-красным, жёлто-голубым, чёрно-фиолетовым, бело-сине-красным, радужным, белым и махновским.

Кощей Вениаминович: Наконец-то! Убили дракона!

Таллий Чаев: На голую бабу одеть наручники — офигенная смелость...

Бандурин: Ну если она сама даёт!

Священник Развратов: Точно даёт? Всем даёт?

Человек в вышиванке: Жінку! Баби у колгоспі пашуть!

Коликов-Посмертный: Каждый понимает всё в меру собственной испорченности. Мазохизм конформистов нуждается в сублимации!

Кощей Вениаминович: А разве не наоборот?

Коликов-Посмертный: Та по-всякому, лишь бы на здоровье!

Кощей Вениаминович: Тоже так думаю. Не победим — хоть согреемся.

По сцене справа налево проезжает Испепелина, дама на кресле-каталке.

В руках у нее огромный фиолетовый флаг. Она говорит свою реплику, пока находится на сцене. После реплики остаётся среди слушателей лектора.

Испепелина: Это ужасно и совершенно неприемлемо для правозащитного события. Сексуальная объективация, романтизация насилия — лучше вам заменить картинки. Не надо же объяснять, как это связано с нарушением прав человека и конкретно насилием в отношении женщин?!

Волнение в зале.

Кощей Вениаминович: Спокойнее, товарищи! Каждый всё понимает в меру своей испорченности. Наша целевая аудитория — здоровые люди, трахающиеся регулярно и не усматривающие в красивых эротических фотографиях ничего, кроме свободы и смелости, а в наручниках — ничего, кроме смелости и свободы!

Таллий Чаев: Кощей Вениаминович, всё это похоже на обыкновенный БДСМ.

Зал ахает.

Коликов-Посмертный: Ну давайте посмотрим, что такое БДСМ (ищет в телефоне, зачитывает определение из Википедии). В основе БДСМ лежит повышение уровня сексуального возбуждения человека и получения им психофизиологического удовольствия в результате сознательного нарушения тех или иных социально-детерминированных условий или табу. Как и было предварительно согласовано — свободный протест. Это афродизиак!

Таллий Чаев: С кем согласовано?

Кощей Вениаминович: С кем надо согласовано. Все знают, как нужны афродизиак нашему движению сопротивления. Вопрос потенции стоит довольно остро!

Таллий Чаев: Вернее, не стоит.

Отбубликова: Не стоит?

Все актёры поворачиваются спиной к иконе, превращаются в хор и поют.

Хор:

Если что-то выглядит как патриархальный мудак
и действует как патриархальный мудак
то это и есть патриархальный мудак
не ожидаете ли вы
что доминант
начнёт думать
первый раз в жизни?

Отбубликова возвращается в роль и прогоняет остальных со сцены. Она остаётся на сцене одна до тех пор, пока не упоминаются действия других персонажей. На сцену проецируется видео из БДСМ-зала, наполненного инструментами для пыток и группами людей, практикующих БДСМ. На этом фоне и происходит

Элемент эротического катарсиса

Отбубликова на протяжении всего элемента медленно раздевается догола, а затем двигается, иллюстрируя свои истории максимально неприличными жестами и БДСМ-атрибутами.

Отбубликова: Навязанный БДСМ — это не афродизиак. Это омерзительно и асексуально, даже когда тебя запихивают в роль верхней. И самое омерзительное, что чем больше ты оттуда вые..., то есть выбираешься, тем

больше кайфует насилующий тебя этим положением нижний, ведь "ты такая сильная"! Кощей Вениаминович, я в меру своей испорченности в зависимости от контекста и не вижу в теле никакого секса. Я целиком и полностью за выступления и нахождения в общественном пространстве в голом виде, и при этом участвовала даже в групповухах.

Хор восстает, пропевает «Даже в групповухах!» на мелодию «Правильно, коровы!» и садится на свои места.

Отбубликова: В групповухах меня сильно бесило, что мужчины делают меня Госпожой. Это неприятно. Также неприятно, как насильно засовывают в автозак и противоречат принятым законам. Засовывают тебя в наручники, из которых не можешь выбраться. Смелости в том, чтобы быть беззащитным в наручниках — никакой.

Коликов-Посмертный выходит на сцену и становится на колени перед Отбубликовой и начинает фотографировать её на телефон.

Коликов-Посмертный: Я преклоняюсь перед Вашей эрудицией и очень рад, что наш невинный плакат спровоцировал столько интересных метафор. Он для этого и создавался! Ведь люди, посвятившие себя искусству и гражданскому протесту и занимающиеся этим несколько лет подряд регулярно с одним и тем же партнёром, начнут скучать от этой рутины, если не будут экспериментировать.

Отбубликова: Давайте, давайте прямо сейчас экспериментировать!

Коликов-Посмертный делает фото, лёжа на полу. Отбубликова садится на лежащего Коликова-Посмертного и продолжает монолог.

Отбубликова: Эксперименты — это прекрасно. Но надо уважать всех своих партнеров и не навязывать им то, что им не подходит (не обращая внимание на сопротивление, начинает связывать Коликова-Посмертного). Кому-то может не подходить БДСМ, кому-то анал, кому-то поцелуи в рот, кого-то воротить от поцелуев в пальцы и своих влажных рук. (Изображает вышеперечисленное с Коликовым-Посмертным). Видите, товарищи, всё это насилие! Видите?

Понимаете? Насилие — как раз то, с чем, по идее, и должен бороться участник гражданского протеста! А не развязывать его!

Священник Развратов: Не развязывай его!

Отбубликова: Я обеими руками за голое тело.

Отбубликова голая, стоит руки в боки.

Отбубликова: Я против пассивности и наручников. Если кто хочет ещё моего извращённого опыта — пожалуйста...

Зал хочет и имитирует стоны насидуемых женщин из порно.

Отбубликова: Желание насилия над собой было у глупых и трусливых мужиков.

На сцену из зала выползает Священник Развратов, он держит в руках ногу манекена.

Отбубликова: У парня, который во время групповухи лез без спроса лизать мои ноги.

На сцену из зала выползает Кощей Вениаминович с плёткой. Протягивает плётку Отбубликовой. Она отталкивает его, бьёт плёткой пол, предметы, Кощей Вениаминовича. Кощей Вениаминович устраивает пантомиму, иллюстрирующую монолог Отбубликовой.

Отбубликова: Самый характерный, пожалуй — человек, который просил его наказывать, драть, потому что он начальник на работе. И поэтому его самого дома надо как следует наказывать. Чтобы он чувствовал себя хорошо, чтобы его совесть не беспокоила. Плюс у него был страх признавать себя вслух би. А во мне он видел партнёршу, которая по его странной фантазии может со всех сторон его и отодрать, как сучку, и поставить у него все что угодно...

Отбубликова надевает на шею Кощей Вениаминовичу орден на фиолетовой ленте, на ордене — большие буквы «раб». Кощей Вениаминович изображает удовольствие.

Священник Развратов: Мне нравится.

Кощей Вениаминович: А мне как нравится!

Развратов и Кощей остаются лежать на сцене.

Гурий Самоумов (говорит стоя, параллельно разбинтовывая мумию Анархиста Енотова): Я долго слушал и смотрел, товарищи. Плакат с полуголой женской попкой...

Испепелина поднимает плакат «Попкой!».

Гурий Самоумов: ...и наручниками за спиной — привлекает внимание и одновременно вызывает недоверие к организаторам фестиваля "Муза непокорных". Больно уж суженное впечатление оставляет о себе в сознании муза в трусиках...

Испепелина переворачивает свой плакат, там написано «В трусиках!».

Священник Развратов: Суженное!

Гурий Самоумов: ...изображение музы со спины и без трусиков. Вы озабочены не темой незаконности пыток, а визуализацией насилия над женским телом, стремлением к маленькому и легальному эротико-садистическому удовольствию.

Анархист Енотов (разминая шею, ноги и руки): Есть такое представление, что в оппозиционеры идут мазохисты. Не уверен, что стоит подыгрывать такому представлению!

Кощей Вениаминович: Серьёзно? А я получил такое удовлетворение от вашего последнего концерта!

Начинается проекция ролика с выступления музыкальной группы Анархиста Енотова.

Среди исполнителей персонаж, одетый в порнокультурном стиле.

Анархист Енотов: Это вообще другое. Тут никакого овещствления и насилия.

Голая женщина садится на колени Анархиста Енотова и гладит его по голове.

Кощей Вениаминович: Вот и я так тоже считаю!

Свистит, приказывает Голой женщине стать на четвереньки на сцене. Надевает ей на шею ошейник и пристегивает поводок. Далее Голая женщина остаётся на четвереньках.

Гурий Самоумов: Голое женское тело с руками в наручниках за спиной — одобрение насилия над женщинами, а не смелое искусство. Либо голое тело, либо наручники!

Все персонажи поднимают руки — они в наручниках.

Гурий Самоумов: Соединение их на одной картинке — запрещённый прием в нормальном обществе. Не говорю уже о правозащитном сообществе. Поскольку автору плакатиков Кощей Вениаминовичу это "по барабану"...

Кощей Вениаминович (подползает к фотоаппарату и накрывает его барабаном): Я не автор, но сочувствующий.

Кощей Вениаминович снимает Орден раба и уходит в зрительный зал. Начинает отрезать голову Голой женщине.

Дева Мария Гваделупская: Сексуальность — это смелость, а не обнажёнка. Когда я становлюсь на колени, мне за это платят.

Развратов: А мне и обнажёнка нравится, и не обнажёнка. Вино же будет!

Все остаются в наручниках. Конец.

